

Михаил ПРИШВИН:

Я В ПЛЕНУ У ЖИЗНИ

из дневника 1918 года

Вспоминая свою юность, Михаил Михайлович Пришвин с некоторой долей иронии называл себя «комсомольцем 19 века». Действительно, начальные вехи его биографии — общие для многих русских интеллигентов, примкнувших к социал-демократии: марксистский кружок, чтение и перевод запрещенной литературы, тюремное заключение.

Однако, в полной мере осознав природу революционного мировоззрения, Пришвин переживает духовный переворот и после 1902 года навсегда отходит от марксизма. Он обретает опору в личности, душе, природе, народной жизни. «Революция и рабочее движение — все это оказалось для меня необязательным: я могу быть и без этого, я не обязан этому», — записывает он позднее в дневнике. Писатель освобождается от власти «чужой мысли».

В предлагаемых отрывках из дневника 1918 года Пришвин рисует картину разрушения жизни на своей родине, под Ельцом, где он после революции на небольшом наделе земли, доставшемся ему в наследство от матери, строит дом и пытается жить крестьянским трудом. В конце концов крестьяне предъявили ему «выдворительную», и Пришвину пришлось навсегда покинуть родные места.

В этом отчаянном положении художник находит те глубинные пласты, в которых продолжается творчество жизни, хотя и сопряженное с трагедией. «Радоваться жизни, вынося все лишнее» — на этом пути складывается пришвинская концепция искусства. Интуиция художника и философа не позволяет ограничивать жизнь пределами истории и обрывает мысль и тем вечным принципам, которыми управляет жизнь человеческого Рода.

Пришвин понимал, что история идет по пути неосознанного личного страдания. В эпоху тотального подавления личности самобытная, индивидуальная жизнь человека уходит под спуд, на глубину. Эта глубинная жизнь и становится предметом художественного освоения, с нею связаны надежды писателя на спасение самой жизни. «Возможно, что почти каждый «простой» человек содержит в себе... свою «философию», — напишет позже Пришвин. — И возможно, что задача нового писателя — затронуть эту неглубокую и недоступную общему анализу стихию всеобщего личного самоопределения».

Полностью пришвинский дневник 1918 года будет опубликован в следующем году в журнале «Литературная учеба», где уже напечатаны дневники за 1914-е (№ 1, 1989), 1915-е (№ 6, 1989) и 1917 год (№ 3, 1990).

Сейчас издательство «Московский рабочий» объявило подписку на дневники Пришвина в 6 томах (1914—1940 гг.). Первый том выйдет уже в будущем году.

22 Апреля. Мужики отняли у меня все, и землю полевую, и пастбище, и даже сад, а сажу в своем доме как в тюрьме, и вечно непременно ставлю на окна доски из опасения выстрела какому-нибудь бродяги. Дня три я очень горевал и весны для меня не было, хотя солнце светило богатое весеннее. Оно было для меня, будто черное. И зеленую траву (с чистого поля) я не видел, и что птички пели — я с детства знаю и люблю каждую — не слышал, и записал в дневник свой так:

Звезда жизни моей единственная почернела, а коровушку мою принципиально зарезали мужики.

Только вчера с вечера сердце мое стало отходить, и, проснувшись ночью, я стал думать: «Неужели же и солнце, и звезды, и весеннюю траву-цветы любил я только потому, что солнце и звезды светили мне на моей собственной земле и травы-цветы росли в моем собственном саду?» Утром я почувствовал, что в сердце моем сходит богатое солнце, открыл ставню, и солнце мое встречается с солнцем небесным, так тепло, так радостно, так весело. Я наполнился чаем, взял железную ложку и стал в чужом саду раскапывать яблоки.

23 Апреля. Любимое время, когда подорожник зеленет и грязная дорога становится красивой. Смотреть теперь на зеленую травку, которая скоро будет помята и загнана чужим скотом, ожидать, когда зацветут деревья, которые скоро лягут под топоры, слушать песню наивных птиц над гнездами, которые разорят, и видеть постоянно перед глазами песенку земли народа, который завтра будет рабом, — невыносимая весна.

Я говорю им каждому по отдельности: — Немцы близко!

И каждый по отдельности отвечает: — Ну и слава Богу!

Или так:

— К одному концу.

Говорю им то же на сходе, и на сходе на меня, как звери, нападают:

— Это не германцы, это наши образованные с Керенским.

И потом по очереди бросают слова, измененные за год, прелые, которые снова сами будут отшвыривать, как отшвыривают сапогом с дороги оставшиеся за зиму шкурки дохлых собак и кошек.

Не веря ни во что хорошее каждый в отдельности, вместе они все еще с большой силой за что-то стоят — за что? За пустое место. И сила эта вовсе не от революции, а от тех времен, когда народ сообща убивает урожай и отражает неприятеля. Вместо дела — разбой, но раз они вместе, то нужно, как за настоящее дело, стоять и за разбой и выдавать это за священную правду.

Я с малолетства знаю всех мужиков и баб в нашей деревне, они мне кажутся людьми совершенно такими же, как все люди русского государства: дурные, хорошие, лентяи, бездарные и очень интеллигентные. Никогда я себя не отделил от них, никогда не выделял мужиков от других сословий, только они ближе других ко мне, и потому я говорю о них.

Что меня теперь больше всего останавливает в этом русском народе — это молчание на людях, отдельное несогласие людей. Вчера вот Иван Митрич так умно и горячо говорил мне против тирании, сегодня на сходе он молчит. Спросишь, оправдывается:

— Нишь можно на людях?

А почему бы нельзя?

Потому-то, впрочем, и нет у нас таких безымянных жертв, мы находимся все в таком тяжелом плену.

25 Апреля. Цвет жизни нашего общества создан людьми личного почина — что теперь признается буржуазностью и больше всего ненавистно.

Средний человек, которому стало лучше: есть чей-то деревня, которому лучше.

27 Апреля. Нужно как-то воевать оторваться от земли, от любви к цветам, к деревьям, к труду земледельца, чтобы благословить это сегодняшнее разрушение.

Видел ли кто-нибудь картину весеннюю во время движения соков срубленных молодых березовых роц? Сок ведром льется из срезанного ствола, заливая землю вокруг, как снегом, так блещит на солнце нестерпимый блеск, потом начинает краснеть, краснеть, и вот все становится ярко-красным, и мы проходим тут будто между щелями, на которых недавно были головы.

Издали слышатся удары топора, я иду посмотреть на человека, который так издается над природой. Вот он сидит на огромном в разоблаченном парковом дереве, и ошущая сучья топором, распилывает ствол. Мне больно за то, что я знаю, не больше как через год мысли этого человека переменяются и он будет сажать деревья или его заставят сажать. Его мысль очень короткая, но дереву такому надо расти больше ста лет, как может он приблизиться со своей короткой мыслью к этому чудесному дереву.

Вот они лежат, окурки, белеют под тесаном без веток, как молодые синицы. Я подхожу и разглядываю человека нашего: тоненький, маленький, белый, на щеках тройные морщины, будто уздечка, или он улыбается, или хитрит, роста маленького — не крестьянин, пришел из города.

Я спрашиваю его:

— Это закон?

— Закон: земля и лес общие.

— Значит, власть эта настоящая, народная.

— Значит, настоящая.

— А если разбойники захватят власть?

— Да это же и есть разбойники: пьянствуют, взятки берут, — втайне доволен.

— Как же вы терпите такую власть?

— Нам-то что: захватили, и мы будем терпеть всякую власть.

Видю по уздечкам на щеках: издевается, мою власть он не захочет, а эта нравится, удобная власть.

Это дерево моих соседей, выращенное благословением отца Амвросия из Оптиной пустыни.

Прошлый год мы сели под золотой дождь слов социал-демократов-революционеров о земле и воле, и у нас были смутные мечты, что народ пахарь создаст из этого что-то реальное. Теперь в коммунистической стране надежд на землю и волю нет никаких: земля разделена, всем одинаково дано по 1/4 десятины и больше нет земли ни у кого. И главное, что у нас теперь вовсе нет этого народа-пахаря, наш народ отбросил все иллюзии барства, наш народ теперь самый неземельный в мире. Я это слышал еще от злоухода при наблюдении переселения в Сибирь, теперь это очевидный факт. Культура нашего земледельца была заключена в экономию, а наделы только поддерживали рабочего — это была как бы натуральная плата. Теперь вся культура уничтожена, земледельцы введены в рамки всеобщей трехпольной чересполосицы, хуторяне, арендаторы

— все лишены «теоретической» подготовки. После разрушения армии сила разрушения осталась: там было бегство солдат в тыл, теперь бегство холмов в безнадзорную глубину давно прошедших веков. Расстройством армии были созданы условия для вторжения неприятеля, расстройством земледелия созданы условия для вторжения капиталистов. Теперь иностранно-предприниматель встретит в России огромную массу дешевого труда, жалких людей, сидящих на нищенских надеждах.

Самое ужасное, что в этом простом народе совершенно нет сознания своего положения, напротив, большевистская труха в среднем пришла по душе нашим крестьянам — это торжествующая средина бесхозяйственного крестьянина и обманутого батрака...

28 Апреля. Черты князя Тьмы — изобразить лицо русского, которое выглядит из-за силы социализма.

29 Апреля. Новое революцией тем только ново, что повелевает глубже заглянуть в древнее, вечное, ломающее старое, она показывает древнее.

12 Мая. В нашем городе главный Комиссар — Смердяков: длинное, бледное лицо без волос, мутные глаза, никуда на лице не видел улыбки. Очень умный и талантливый по природе, но без ученья и без выхода всякая благодать превосходства перешла в злость самодовольствия. Я встречал таких очень часто в редакциях среди неудачников литературы, совершенно не понимающих, что сразу написать, без всякой выучки, почти безграмотному что-то особенное, свет потрясающее, никак невозможно, что вообще даже произведения искусства — не бомба. Единственный способ общения с ними, очень утомительный, это постоянно оглаживать их, нынчить с ними. Чуть не удушил по недостатку времени — и вдруг на нас, как представители культуры, обрушивается вся помойная лопаша его разнузданного самодовольствия. Я знал одного такого, он с революцией в руке заставлял редактора печатать свой рассказ. Это все Смердяковы. И среди комиссаров наших, городских, деревенских даже, я очень часто встречаю этот страшный тип.

Сегодня знакомый мой пришел из трибунала и говорит:

— Вот русский человек в общем красивый, но почему же или глупа не на месте, или нос набок, или вывернутые глаза, или раздутые ноздри.

В лице и целях революции — Смердяковщина.

Смердяков от революции: злобой утверждает свою личность — разрушитель.

С другой стороны, я не могу без умиления, мне это поправка, отдых от Смердякова, встречать тоже всюду человека, который, обделав какое-то дело, возвращается домой с фунтом керенов, набивает ими бутылку, закуливает, засматривает и зарывает ее в землю.

В скором времени эти керенки будут ничто: керенки — бумага. Но все наша жизнь держится этой верой, не будь такого наивного человека, наш рубль стоил бы не 14 копеек, а ровно ничего. В этой вере — в вечность рубля, в превосходство над личностью материи, стихи есть что-то от Платона Каратаева. В этих образах, Смердякова-большевика-разрушителя и Платона Каратаева-социал-демократа, нынче наивного керенника бутылку, — скелет нашей революции.

15 Мая. Революция рождается в злобе. Революция — это буря, это скатие воздуха. Революция — это скатый воздух, это ветер, в котором мчится душа покойников: вперед мчится он, дух злобы по-настоящему <1 слово неразб> за ним мчатся души покойников.

Покой и покойники, цветы на могилах, и теплые солнышко, и запах трупов в цветах гниадина, любовь вечная, жизнь бесконечная.

Движение — злоба, ветер...

Любовь всепрощающая стала на Руси как масло коровье, все прощает, как масло мажет всякую дрянь.

Зарождаются ветры-циклоны в каких-то скатых пластах воздуха. Революция зарождается в оборванных личностях, которые, не найдя своего, со злости хотят служить другим — будущим.

Важно, что будущим: и тут идеи, принципы. Личность обрывается — рождается злость и принципы творчества будущего: ветер, буря, революция.

Личность находит себя в настоящем, в любви к текущему: мир, свет, любовь.

Завтра погибнет мой сад под ударами мужичиных топоров, но сегодня он прекрасен, и я люблю его, и он мой.

Прошаю с садом и ухожу, я найду где-нибудь сад еще более прекрасный: мой сад не умрет. Но вы, кто рубит его, увидите только смерть впереди (пьяные вороны).

Сверкает злоба беспощадной революции, как северный ветер, но ведь и любовь не масло — почему же молчит любовь и не поднимается ветер с горячей стороны?

16 Мая. Какая пустыня вокруг меня! Вижу, вон идет в церковь народ, двое остановились у моих ворот, один поднял руку вверх и быстро опустил ее вниз — я понимаю, он сказал: Разорен до конца!

И тем самым презрен. Не вижу ни одного человека из многих тысяч знакомых в этой Скифии, что понял бы скорбь мою от боли за них самих, а не за свое имущество. В нашем купеческом городе я насчитал десятки людей, кто потерял свое имущество и даже жизнь свою за правдивое слово. Но здесь ни одного человека не найдешь, кто посмел бы с риском для себя постоять за правду.

Я спрашиваю:

— Где человек?

— Чужой?

— Человек в землю ушел.

Это значит не то, чтобы человек занялся делом земли, а буквально: здешний скифский человек роет себе ямы, в которые, как собака иногда прячет лишнюю корку, зарывает свои запасы.

По всей стране клич:

— Спасайся, кто может!

И человек полез в землю, потому что ему хочется жить, хоть как-нибудь, только жить. Вот на пороге моем стоит один из них в сильной подвешке, ему что-то нужно от меня и хочется мне угодить.

Как дела? — спрашиваю.

Он жмурит один глаз на мгновение и отвечает истинно:

— Идет!

Это значит, немец идет, который освободит мой сад от захвата.

Так он собой меня понимает, себя понимает, а между тем стал гражданником: часами беседуем мы с ним все исключительно о наших гражданских делах, местных, деревенских, волостных, даже городских. Его понимание меня прекращается на оценке украинских дел: не германцы в этом виноваты, а какие-то наши изменники. Не то чтобы сами украинцы были изменниками, как поняли бы мы, а что-то совсем непонятное, беззастенчивое: идут не германцы, а наши буржуа. Тут смешивают его эсеры с большевиками, а дальше ничего не понять: темная сторона. В щелку интернационала.

Словом, так же, как при царе: кто-то изменяет, а кто — неизменно. С этого начался тупик в сознании, и что самое главное, теперь нужно знать гражданам и разбираться в мировой политике — вот настоящая тема.

Еще расхожись мы в оценке большевиков, всеобщая оценка их такая, что дело их правильное, а слуги их — разбойники и воры — совершенно как при царе.

19 Мая. Оказывается, что у земли власти нет ни в сознании, и что власть земли, а оказывается, у земли власти и нет никакой — если бы ее-то власть, можно бы разве допустить такое бесчинство над собой, такое издевательство!

26 Мая. Внезапно возникает мысль: Наполеон погиб в России от мороза: он хотел спасти человечество и погиб от мороза. Ленин погиб от холода, спаситель человечества, в этой же России.

— Кто может заставить нас теперь строить школу?

И то же самое:

— Кто может заставить нашего мужика, среднего трудового крестьянина отдать свой хлеб последний в руки людям, которым он не доверяет, примеры ужасной расточительности которых прошли у него перед глазами?

Мы знаем хорошо, что если обратиться к совести этих людей, растолковать им ужасное положение наше, они отдадут запасы: у них есть чувство родины, России, для России они отдадут.

Но как отдать «человечество», которое крестьянин совершенно не знает: он не читал Спенсера. И отдать через комитетские руки!

Во имя спасения всего человечества погубить совершенно всю свою родину, огромную страну — это не понятно стихийному человеку, и он прячет хлеб, а спасителя человечества обвиняет его своим злейшим врагом.

Я знаю как ощущение то, что Ленин постигает только разумом, учетом полноты: это чувство пропасти между мной, интеллигентом, и этим злейшим кошмарником.

Но есть у меня общее с ним — чувство тела мира природы, земли — это совершенно недоступно Ленину. И в деревне, в природе, я думаю, даже среди низшего мира животных есть такие существа, которые переступают через это чувство, и они называются преступники.

Переступил через чувство общности тела, природы, земли и убил — преступник, Канин.

Мы пересчитываем по пальцам всех наших поминутных людей, которые пойдут за Лениным и станут делать доносы на укрывающих запасы.

Захар Капитонов — разбойник, на войне отстрелил себе палец.

Павел Булан — мастеровой человек, не настоящий крестьянин, в 25 лет совершенно лысый, пьяница.

Николай Кузнецов — ему лишь было бы выгодно, чуть учтет, повернет по ветру.

Во всей деревне мы насчитываем человек восемь, и все с угловатым прошлым, все преступники, все они бойне люди.

27 Мая. Все движется не сочувственно и любовно к бедному человеку («пролетарию»), а ненавистно к богатому («буржуа»). Если бы они могли проверить свою ненависть любовью, то никогда бы не затаскивали в грязь друзей своих.

28 Мая. Деревня, как наследка, а идеи социализма, как яйца от неизвестных птиц, с прошлого года селила наша деревня-наследка на яйца и думает, что цыплят выведет. Вот время пришло, цыплята, посмотрите наследка: не цыплята, не гусята, не утята, а неизвестно что — кукушкины дети.

Хорошо бывало приговаривал мой старичок: — Эх, мы грешные, языки-то матикие.

4 Августа. Русский социализм характерен отказом от личного — если заявляется личное, даже, например, художественное творчество — социализм прекращается. Это общее дело: интернационал — общее дело, отечество — общее дело.

8 Сентября. Русское поколение интеллигентности Толстым, народниками и славянофилами воспиталось в религиозном благоговении к простому народу в его деле добытия хлеба на земле: происхождение этого чувства, вероятно, от церкви. Теперь все это верование исчезло, как дым, и осталось лицемерие колес будничной необходимости (Марксизм «экономическая необходимость»). Похоже на то, как если бы любящий свою жену муж узнал бы внезапно, что беременность жены его произошла не от него, и потом из недели в неделю созерцает наливание живота. Народ сам по себе. Как велико должно быть разочарование человека, если вчера он говорил: «Я — творческая причина будущего моего существа на земле, я носитель этой священной тайны размножения жизни». А сегодня он узнает, что он тут ни при чем и жизнь размножается сама собой, как мошара, без всякого его личного участия, причем ложь и всякое преступление вплоть до убийства такое же обыкновенное орудие жизни, как в земледелии соха и борова.

Чтобы спасти народ и поднять его, нужно дать ему сознание всеобщего личного участия во всех подробностях жизни — это и делала церковь, освещая куличи и призывая, что во всяком существе таится искра Божия... (Замечательно, что в земледельческих работах теперь не соблюдают праздников.) Принципы социализма, в сущности говоря, те же самые, как и церковные, только в нем не хватает церковной школы любви.

Не хватает личной-любимой завязки с жизнью, все делается во имя общего («на чужое дядю»), например, Архип во время коммунистической работы навечно воскликнул: «Мы опять на чужое дядю работаем».

Теперь время смутное, это значит, что планы, в которых работают различные духовные классы общества, перепутаны: так, например, какой-нибудь славянский мужик, индивидуалист, предприниматель по природе, становится коммунистом и должен работать на всех («на чужое дядю») и так далее.

А счастье свое, настоящее, вечное счастье я понимаю в тихом подвиге, тайном деле с отказом от пользования благами — это моя тайная сущность, приступать к выполнению которой мешает мне не то обиды, не то гордость, не то неизведанность того, что все изведано, что-то весьма маленькое, что в то же время заслоняет большое: неустойчивость в моем доме мешала войти в великий дождь, а потому росы: мы сами теперь, как перелетные птицы, быть может, кто-то любит нас нашим полетом, но мы пока сами гуси: скрипим мировым пером, следуя неизбежному.

И то же подумаешь, мы с детства все хотели опровержения и подвига, жизни, как Робинзон на диком острове, ну вот — это теперь не мечта, это жизнь, почему же не ввязаться за нее?

Всюду видишь звериный оскал в человеке, и что называли раньше гуманностью — теперь кажется просто замаской для отвода глаза от подлинной жизни какому-нибудь маркису... на каблуках.

27 Сентября. Русский народ создал вероятно единственную в истории коммуны воров и убий под верховным руководством филлистеров социализма.

В том-то и дело, что в «жизни» тесно для человека, она идет сама собою без него. Когда-то являлся у людей досуг творить из фантов нынешней «коммуны» историю и трагедию человека, но теперь «человек» ни при чем, у человека живого колом стоит мысль в голове, что и сегодня картошку не привезут.

Пессимист еврей Маркс назвал эту жизнь без человека «экономической необходимостью».

Мы страдаем теперь не как люди, а как животные: нас лишают — мы страдаем...

«Спаситель человечества» тот, кто заставит поверить этих страдающих животных в цель и смысл их страдания и так восстановит жизнь как нечто действительно человеческое.

6 Октября. Вчера в мое отсутствие (ездил хлопотать, чтобы не выгнали) — пришла «выдворительная».

Сегодня ездил к Машуковым, запл бжал, а мы: «Вот когда-то мы зайцев гонили, а теперь чувствуем себя сами как зайцы!» — «Что ты, зайцы, хуже: зайцы бегут и не думают о продовольствии — посмотри, какие зеленые!»

7 Октября. Кошмары, вчера было, а кажется, Бог знает когда, время сорвалось... в темной комнате на диване один лежу и думаю про какого-нибудь английского писателя, например, про Уэльса, что сидит он на своем месте и творит, а я, русский его товарищ, не творю, а живу в кошмарах и вижу жизнь без человека. Но и то, и другое неизбежно — и человек вне жизни, и жизнь вне человека.

Я в плену у жизни и вернусь, как василек на полевой дороге, приставший к грязному колесу нашей русской телеги.

25 Декабря. Я всегда чувствовал безнадежную серость русской жизни и какое-то тугоумие культурных работников. Пусть все гибнет, что подлежит гибели и что хочет гибнуть, это гибнет частное, а отделилось от него и прославляю жизнь. Я не нуждаюсь в богатстве, славе, власти, я готов принять крайнюю форму нищенства, лишь бы остаться свободным, а свободу я понимаю как возможность быть в себе...

Скажут на это, что и другие так бы хотели жить. Я же отвечаю, что другие не хотят так жить: огромное большинство цепляется за деньги, вторая масса — за власть, третья масса жаждет отнять себя власти. Игнать в себе и радоваться жизни, вынося все лишнее, мало кто хочет, для этого нужно сгнать с себя лишнее, перестрадать и, наконец, освободиться.

Задача моя состоит в том, чтобы возбудить других к тому же, хотя это не в том смысле задачи, как действие, нет! Это мое лишь пожелание, так как при этом легче, скорее, полнее приблизиться к радости жизни.

28 Декабря. Нутро массы всем недовольное, грабительское, та чернь, которой до времени пользовались большевики, теперь склоняется к кулакам (дрова — все воруют, коммунисты против).

Павел, коммунист, пробывший 15 лет в каторге, сказал:

— Нет, лучше не надо оружия, пусть лучше погибнет двести коммунистов, зато сохранится идея коммуны.

Разнообразие коммуны в деле осуществления — путь ошениния, вероятно, пойдет по русскому пути принятия личного неопределенного страдания (Раскольников).

А что никто не может возвыситься голосом против коммунистов по существу — это показывало, что или коммунисты правы, или не существует совести народной.

Вступление и подготовка текста

В. Ю. ПРИШВИН

Публикация В. В. КРУГЛЕВСКОЙ

и Л. А. РЯЗАНОВОЙ